

УДК 330

О. В. Иншаков, Д. П. Фролов

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА В КОНЦЕПЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Рассматриваются природа и специфика институционального пространства, его содержание и формы, масштабы и границы, уровни и зоны, возникающие в ходе институирования как определения статуса пространств и институциогенеза – развития пространственных институций, норм, правил, ограничений.

Институциональное пространство, пространственная институция, институирование и институторы, институциональные границы, уровни, зоны.

Пространственная экономика (*spatial economics*) – течение экономической мысли, активно развивающееся за рубежом, а с недавнего времени и в России¹. «Гносеологическим фоном» ее становления в нашей стране является бурное развитие теории институционализма, начавшееся во второй половине 1990-х гг. и явно усилившееся в новом веке. Соединение этих двух научных направлений, находящихся в стадии подъема и выдвигающихся в авангард экономической науки современной России, стало импульсом написания данной статьи. В ней предлагается представить феномен пространства

© Иншаков О. В., Фролов Д. П., 2007

¹ Конечно, элементы пространственного подхода встречались у отечественных ученых гораздо раньше. Так, М. М. Щербатов (1733–1790) в целях развития внутренней торговли рекомендовал создать сеть местных рынков («торжков»), удаленных друг от друга в городах на 20 верст, а в селах – на 12, «дабы не могли один другому подрыв делать» (цит. по: [10, с. 107]). Интересно, что первые научные статьи основоположника теории размещения И. фон Тюнена увидели свет только в 1820-х гг.

в институциональном аспекте и сформировать базовую систему категорий институционально-пространственных исследований.

Пространство (S) обычно понимается как совокупность условий жизнедеятельности людей, имеющих свое специфическое содержание, т. е. как «возделанная» среда этой деятельности [32, с. 203], «сумма» ее обстоятельств, место, ситуация и обстановка осуществления. В связи с чем в экономической науке доминирует ньютоновская трактовка пространства как «вместилища» объектов, и оно мыслится как «насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними» [6, с. 25]. Но вместе с тем пространство само есть результат экономической эволюции.

Одновременно пространство может выступать условием получения доступных и желанных ресурсов для определенной деятельности, а значит источником ее потенциальных факторов. В конечном счете пространство может рассматриваться как условие и контур формирования факторов или неотъемлемой созидательной силы любой деятельности. Оно может быть больше или меньше, чем это необходимо для данной определенной деятельности. Недостаточность (дефицит) или избыточная протяженность пространства может стать пределом действия или операции, обособленного вида деятельности и даже жизни. Значит, для всех них существует необходимое и достаточное пространство, с учетом которого осмысливаются, разрабатываются и вводятся нормы жизнедеятельности людей и их предприятий.

С позиций экономической генетики [14] само пространство есть продукт (Q), поскольку после каждого акта действия оно меняется стихийно или целенаправленно – со стороны природы и общества. Пространство функционально зависит от создающих его трансформационных и трансакционных факторов – человеческого (A), технического (T), материального (M), институционального (Ins), организационного (O) и информационного (Inf): $S = Q = f(A, T, M, Ins, O, Inf)$. Раз пространство есть продукт взаимодействия факторов, то оно, естественно, является и продуктом институции: $S = \gamma(Ins)$. Поэтому пространство как условие, ресурс, фактор и продукт человеческой деятельности следует рассматривать в институциональном аспекте¹.

В контексте эволюционной экономики *само пространство может быть переосмыслено как особая институция*, т. е. социальная форма локализации функций людей, дающая им статус, определяющая их бытие и сознание. Это продвижение человеческой деятельности во все (*про-*) стороны (*-стран-*) как установление нового статуса и нормы реальности, фиксирующее распро-

¹ К сожалению, теоретические и прикладные проблемы, связанные с институциональным пространством, обходят стороной авторы практически всех современных отечественных учебников по институциональной экономике (см.: [4; 11; 22]). В результате эта категория «выпадает» из образовательного процесса.

странение общества (-ство). Именно поэтому структура слова «пространство» включает окончание «-ство», которое в русском языке используется в качестве форманта для названия конкретных институций [36].

Важно учесть, что «для описания динамики жизненного мира в целом нам следует исходить из тех функций, которые человеческие действия выполняют для воспроизводства жизненного мира» [37, с. 113], пространства общественного бытия. Причем «любая функция, твердо установленная экономическим разделением труда, оказывается связанной с институционально определенными ролями» [30, с. 337]. Любое же типичное, регулярное и постоянное действие «совершается в институциональных формах» [31, с. 96], «становится включенным в конвенции и институции» [43, р. 10].

Пространство — не просто преобразованная трудом территория, но одна из древнейших, базовых функций людей, закрепляемых за ними обществом, наряду с такими институциями, как свойство и средство, родство и общество, качество и количество, производство и хозяйство и др. Пространство нужно каждодневно делать, т. е. быть его актором, предпринимая вполне определенные усилия, чтобы оно становилось все более удобным и безопасным, сбалансированным и мобильным, обладающим лучшим экологическим и экономическим дизайном.

Каждый человек является агентом, представляющим конкретное пространство своей жизнедеятельности, которое, как любая институция, предполагает непрерывное осуществление. Институция пространства (*institution of space*) дает своим агентам специфический статус, социально типизируя и дифференцируя их на аллохтонов и автохтонов, инсайдеров, аутсайдеров и «прохожих», оседлых и кочевников, степняков и горцев, «столичных» и провинциалов, внутреннее и приграничное население, фронтовиков и тылови-ков, горожан и селян, а также россиян и американцев, москвичей и питерцев, парижан и лондонцев и т. п. В этом проявляются центр и периферия, среда и контур, статика и динамика, плоскость и рельеф социально-экономического пространства.

Будучи глубоко укорененной в общественном сознании институцией, пространство является той основой, на которую «накладываются» другие институции людей, выполняемые ими в обществе. Любые социально-экономические институции, т. е. «различные общественные функции» людей или «сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» [25, с. 493], так или иначе связаны с преобразованием пространства их бытия, его расширением, насыщением, накоплением, сбережением и т. д.

Пространство как институция реализуется в ходе конкретной деятельности своих «носителей»-агентов, воплощающей их представления о потребном и возможном новом состоянии среды обитания в конкретных параметрах

экономического пространства (*economic space*) – феномена объективной реальности. Все люди живут, трудятся, производят и мыслят в определенном пространстве, которое утверждает в них, как в своих агентах, «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [5, с. 201]. И. А. Ильин, описывая специфическое мировоззрение россиян, отмечал: «...знаем мы все, слишком хорошо знаем, что глубины наши... обильны и щедры. Мы родимся в этой уверенности, мы дышим ею, мы так и живем с этим чувством, что «и нас-то много, и у нас всего много», что «на всех хватит, да еще и останется», и часто не замечаем ни благодности этого ощущения, ни сопряженных с ним опасностей...» [9, с. 418–419]. Огромные параметры, потенциальные ресурсы и слабые факторы отечественного экономического пространства специфически искажают мировосприятие россиян, кристаллизуясь в загадочном национальном характере.

Институция пространства находится в динамичном поиске оптимального масштаба, т. е. количества своих акторов и агентов. Вопреки распространенному среди экономистов мнению [41, с. 115], институции отнюдь не являются общественными благами (*public goods*), для которых характерно «несоперничество» (П. Самуэльсон) агентов или «неисключаемость из потребления» (Ч. Тибу) такого блага [39, с. 820–821]. Эта неисключаемость из потребления обусловлена тем, что институции выступают эндогенным фактором всякой человеческой деятельности. Однако между институциями существуют и конкуренция, и кооперация.

У пространства, как у любой другой институции, есть «барьеры входа и выхода», которые периодически меняются. Даже обладая необходимой мобильностью и формально переместившись в новое пространство, экономические агенты-аллохтоны могут быть отторгнуты автохтонами (например, из-за несовпадения интересов, убеждений, профессиональных статусов и др.) или же понести издержки постепенной ассимиляции, длительное время ощущая свою ущемленность. «Голосование ногами» в пользу более привлекательного пространства имманентно содержит институциональный компонент, который может оказаться решающим для успешного перемещения «голосующих» агентов и преодоления ими входного барьера¹.

Для пространственной экономики методологически все более значимы-

¹ В институциональном смысле значение любого конкретного социально-экономического пространства состоит в придаваемом им своим агентам статусе. Именно поэтому японские иммигранты в США, «как только подворачивается такая возможность, перебираются из «Маленького Токио» в район, занимаемый коренными жителями; но, делая это, они оказываются «не на своем месте». Следовательно, они раздражают людей, желающих сохранения установленного порядка. Тем не менее они более готовы встретить отпор, чем принять низший статус» [3, с. 193].

ми становятся «системо-генетический и институциональный аспекты исследования, так как экономическое пространство включает в себя определенные комбинации естественных, материальных, социальных и духовных производительных сил» [40, с. 62].

Исходя из базовых постулатов экономической генетики, *институциональное пространство (institutional space)* может быть аналитически выделено в качестве объекта специального анализа и раскрыто как особый факторный фокус жизненного пространства людей, отражающий его социально-функциональный аспект. Для его характеристики в первом приближении можно сказать, что «конкретные институциональные ограничения образуют то пространство, в рамках которого действуют организации» [29, с. 141]. Будучи аспектацией экономического пространства, институциональное пространство не существует обособленно внутри него или за его границами. Но это предполагает изучение данного феномена в рамках предмета институционального направления пространственной экономики и объекта специальных исследований в этой области знаний.

Институциональное пространство имеет социально-полевой характер, поскольку его содержанием выступают институции, относящиеся к «неосязаемым» транзакционным факторам общественного бытия наряду с организацией и информацией. Это не означает, что институциональное пространство возникает вокруг экономического, напротив, оно повсюду пронизывает последнее [7, с. 55–56].

Институции «следует представлять себе не как пассивные свойства, а как активно действующие силы», формирующие институциональное пространство «подобно тому, как электромагнитные силы образуют электромагнитное поле» [33, с. 25]. Именно «эти силы устанавливают, кто с кем может осуществлять транзакцию, где и когда она происходит, каким образом происходит координация спроса и предложения, как определяется товар, а также многие другие условия транзакции, которые влияют на действия покупателей и продавцов» [1, с. 63]. Институции, наряду с другими транзакционными факторами, «превращают социальное (и экономическое. – *Авт.*) пространство в подобие магнитного или гравитационного поля, задают в нем «силовые линии» и центры тяготения, определяют затраты и усилия, необходимые для продвижения в определенном направлении (или потерю потенциала, какой является движение в противоположном направлении» [33, с. 25].

Еще Т. Парсонс высоко оценивал положение Э. Дюркгейма о том, что «социальная среда образует ряд условий, которые не поддаются контролю для данного конкретного индивида, но в принципе доступны контролю людей в их совокупности. С этой точки зрения, наиболее значительный аспект социальной среды – это система нормативных правил, подкрепленных сан-

кциями» [30, с. 245]. Сюда же входят «привычки, обыкновения, занятия» людей [23, с. 91]. Однако выделение институционального элемента социально-экономического пространства и реализация интегрированной системы соответствующих правил и норм требует наличия как специальных организаций, так и информации о социально допустимых пределах различных действий. Ведь «система дифференцированных действий и отношений должна быть организована. Устойчивость социальной системы возможна только в том случае, когда в каких-то пределах люди поступают соответствующим образом, в соответствующее время и в соответствующем месте» [30, с. 335].

Учет институции, организации и информации в качестве неотъемлемых компонентов транзакционного поля экономического пространства позволяет преодолеть проблему «неоклассических дыр», возникающих, по логике представителей «мэйнстрима» экономической науки, в структуре сделок между их субъектами. Неоклассический подход содержательно не объясняет поле, которое возникает между двумя (или многими) взаимодействующими акторами (см.: [8, с. 38–46]).

Но в контексте признания институции, организации и информации взаимосвязанными транзакционными факторами производства это пространство следует рассматривать как особое социальное силовое поле – экономическое. В нем притягиваются, сталкиваются и отталкиваются интересы акторов, реализуются их потребности и обнаруживается их мотивация, формируется противоречие и определяется мера сделки на основе общественного признания издержек и доходов, организуется и информируется в определенных контурах взаимодействие участников согласно их статусам. Образно говоря, это «поле изворотливости, повышения, понижения, предсказания, уверток, откладывания решений и попыток жить в ситуации недостаточности» [21, с. 40].

Институциональное пространство – не пустое, не «дыра». Выражаясь метафорически, оно наполнено полями влияния и сферами интересов, «кругами доверия» и зонами отчуждения, «поясами безопасности» и конфликтными «воронками», «социальными каналами» и законодательными «потокками»... Это гетерогенное и глубоко стратифицированное пространство, в котором возникают и распространяются взаимные ожидания, накапливаются и обостряются противоречия, происходят аккумуляция и трансмиссия социальных напряжений, не получающих адекватного разрешения. Однако оно до сих пор не изучено в должной мере. Закономерно, что исследование институционального пространства, его содержания, форм, траектории и темпов развития, структуры и границ, противоречий и характеристик постепенно становится все более актуальной научной проблемой экономической теории.

Институциональное пространство целесообразно понимать как пространство, соответствующее определенной деятельности, поскольку институции в полном смысле слова определяют действия акторов, т. е. фиксируют «те границы, за которые не должно переходить отклонение, и создают силы, противодействующие этим отклонениям» [30, с. 335]. Масштаб любого конкретного пространства должен соответствовать его статусу, возникающему на основе осуществляемых в его рамках институций. Специфика последних позволяет говорить о каком-либо пространстве как о пастбище или урочище, кладбище или жилище, пустыни или пустыни, трудовом или военном, конкурентном или таможенном и т. д. Поскольку все институции осуществляются их акторами в определенном социально-экономическом пространстве, то оно и есть пространство всякой институции как среда ее непосредственной реализации (см., напр.: [2]).

Институциональность имманентно присуща экономическому пространству. Она проявляется в перманентном возникновении, обострении и разрешении противоречий между потребностями акторов в определенном пространстве для осуществления своих общественных функций (институций) и возможностями их удовлетворения. Причем людям нужно не пространство вообще, а вполне определенное адекватное постоянно осуществляемой ими деятельности, их функции и статусу в обществе. Потребное людям пространство всегда имеет институциональную определенность.

Содержанием институционального пространства являются общественные отношения между людьми как акторами определенных институций и агентами соответствующих институтов. Эти отношения регулируют действия людей в соответствии с имеющимся статусом и исполняемыми на его основе ролями, со сложившимися нормами, обычаями, ценностями и порядками, установленными правилами и процедурами. Это – внутреннее институциональное содержание экономического пространства в целом. Однако его недопустимо отождествлять с внешними, производными и, тем более, превращенными формами проявления институционального пространства. Это часто «имеет место» в работах современных российских институционалистов. Причиной является неразвитость методологической базы институциональных исследований, как отмечает Д. С. Львов (см.: [24]).

Не поэтому ли институциональное пространство экономистами-теоретиками часто, с одной стороны, отождествляется с символическим или социокультурным полем, а с другой – с нормативно-правовым пространством? Такому отождествлению следует предъявить существенные методологические претензии. Во-первых, и в том, и в другом случае речь идет об институциональном пространстве, находящемся за границами экономической подсистемы общества.

Во-вторых, институции могут быть лишь поверхностно осмыслены через многообразные формы их символического отражения. Недопустим идеализм в отношении институционального пространства, проявляющийся в попытках представить его «в отрыве» от людей как реальных носителей различных институций, от осуществляемых ими социально типизированных действий, от их знаний, умений и навыков, от используемых ими технических средств, предметов деятельности и среды, от возникающих между этими институциональными агентами общественных отношений. Пространства норм и агентов, если и могут быть разграничены, то только условно, в рамках научной абстракции, для углубленного анализа этих явлений и последующего их синтеза (см.: [20, с. 189]).

В-третьих, не учитывается, что правоотношения возникают из экономических отношений, и отнюдь не всегда в правовых формах достаточно полно и достоверно отражаются институции как устойчивые функциональные отношения общественного бытия. Сами по себе экономические институции уже есть базовые социальные формы бытия, которые приобретают производные правовые формы.

Далеко не все институциональные отношения относятся к экономическим, и, в свою очередь, не все экономические отношения охвачены правоотношениями и отражены в правовых нормах. *Пространство реальных экономических отношений гораздо богаче и шире пространства правоотношений, но одновременно беднее общего институционального пространства*, включающего и неэкономические функциональные отношения в обществе, которые, в свою очередь, также частично охвачены правоотношениями. Естественно, экономическая наука (как и пространственная экономика) изучает институциональное пространство не в целом, а исключительно в аспекте своего предмета. Другие аспекты институционального пространства, касающиеся его политических, этических, культурных, религиозных, семейных и иных характеристик, должны изучаться соответствующими науками, но в постоянном взаимодействии с экономикой для получения системного знания.

Корректно ли говорить о некоем обособленном «мире институтов», если социального мира вне институтов и институций вообще не существует? Никакой процесс совместной деятельности людей не может быть осуществлен без «участия» последних, как всеобщего эндогенного, хотя и не центрального фактора человеческой деятельности, закрепляющего и устойчиво воспроизводящего систему общественного, частного и единичного разделения труда. Здесь методологически полезным может оказаться предостережение Г. Б. Клейнера, обоснованно полагающего, что «обращение с безусловно важным принципом институтоцентризма требует аккуратности... Мир институтов всепроникающ, но не всеобъемлющ. Кроме институтов, в социальном

мире действуют интересы, ожидания, намерения, культурные артефакты и т. д.» [19, с. 111], то есть силы, отношения и атрибуты, порождаемые акторами и агентами различных институций и организаций, немислимые в отрыве от них. В то же время институциональное пространство не дискретно, а континуально и целостно. Оно и не обособлено от экономического пространства, но и больше его на «величину» неэкономических институциональных отношений.

Институционалисты часто оперируют образами «заборов», «перегородок» и т. д., иллюстрируя сущность институтов. Однако все эти мыслимые ограждения и порталы, запрещающие и разрешающие знаки, шлагбаумы, замки и надписи, указатели, решетки и т. д. — не институты и не институции, а их материальные или символические атрибуты, информирующие мир институций человеческого бытия.

Институциональные границы порой невидимы, но, отражая силу институций, всегда реально ощутимы дееспособными участниками транзакций. Их игнорирование не позволяет объяснить широко распространенные в повседневной жизни явления, когда недостаточный или неадекватный статус не позволяет актору принять участие в желаемом мероприятии, войти в нужное учреждение, завязать необходимое знакомство, совершить сделку и т. д. Находясь в непосредственной физической близости с человеком, можно быть бесконечно далеко от него по имущественному положению, по роли в обществе или степени доверия¹. Близость и дальность имеют институциональное содержание.

Расстояния в институциональном пространстве связаны с разным рангом институций в обществе и издержками преодоления статусных различий: «Социальная дистанция возникает из поддержания социального статуса, т. е. из статус-кво в социальных отношениях. Удерживая других на расстоянии, человек поддерживает свое положение... Потерю всего в жизни он переносит легче, чем потерю социального статуса; и отсюда *raison d'être* поддержания социальных дистанций» [3, с. 194].

Институтирование пространства (instituting of space) предстает процессом социального закрепления за его отдельными участками (локусами) с их субъектами и объектами определенных функций, т. е. пространственных институций, вводящих эти локусы в соответствующий статус (*in status*) — заповедника или месторождения, памятника архитектуры или отстойника, промышленной или рекреационной зоны, испытательного полигона или технопарка,

¹ Размышляя о специфике институтов, регулирующих «отношения, основанные на близости», А. Н. Олейник исходит из тезиса о том, что «феномен локальности существует не только в географическом, но и в институциональном, социальном пространстве» [12, с. 359]. О понятии близости институтов упоминает и Г. Б. Клейнер [20, с. 44–45].

зоны, свободной от генетически модифицированных организмов (ГМО) и т. д. Поэтому «некоторые черты, обычно приписываемые структуре самого пространства, например оппозиция центра и периферии или города и деревни, являются следствием структуры» [33, с. 25] экономического и, шире, институционального пространства.

Институирование экономического пространства выражается в создании системы упорядочений и ограничений, санкций и компенсаций, позволяющей акторам эффективно осуществлять свои функции, как «производительные» [25, с. 83], так и «системообеспечивающие» [28, с. 214]. Упорядоченность, возникающая при образовании, внедрении и распространении институций в жизни общества, инициирует и детерминирует его организацию, формирует и воспроизводит институциональную традицию в обычаях, нормах, ценностях, обрядах, ритуалах, церемониях и т. п.

Исходя из тезиса о том, что институции присущи не только людям, но и продуктам их деятельности (в широком смысле), *пространственная институция (spacial institution)* может быть понята как функция, установленная и выполняемая участком пространства в конкретном обществе. Эта функция происходит не от вещественных свойств конкретного участка или объекта пространства, а является результатом определенных общественных отношений по поводу его целесообразного использования. «Например, — писал К. Маркс, — дом, функционируя как помещение для работы, есть основная часть производственного капитала; функционируя в качестве жилого дома, он вовсе не имеет формы капитала, а является просто жилым домом» [26, с. 228], т. е. выполняет другую общественную функцию или институцию.

Многие локусы являются многофункциональными, т. е. параллельно осуществляют разные пространственные институции. Институциональная интеграция противостоит дифференциации пространства. Результатом пространственной институции является статус участка или объекта пространства, являющийся компонентом его рыночной цены. Поэтому столь ощутимо различаются цены на аналогичные по многим свойствам земельные участки в центре городов и на их периферии (в промзонах и «рабочих кварталах»).

Социальный статус всякого человека представляет собой комплекс его отдельных, частичных статусов (например, трейдера, кредитора, партнера, отца, вдовца, опекуна, христианина и т. п.), связанных с осуществлением институций в различных сферах его жизнедеятельности [18], но имманентно содержит статус того пространства, в котором этот человек постоянно живет, трудится и отдыхает. Повышение социального, как и экономического, статуса людей неразрывно связано с повышением статуса их жизненного пространства.

Институирование включает передачу функций пользования и владения

участками и объектами пространства с соответствующими «пучками прав собственности» на них, но в его основе находится функция распоряжения. Этот процесс осуществляется уполномоченными субъектами (агентами) — *институторами пространства (institutors of space)*, закрепляющими от лица общества функции и статусы за отдельными локусами. В зависимости от масштаба ценности конкретного объекта или участка пространства его институторами могут быть муниципалитеты, региональные или общенациональные органы управления, международные или глобальные структуры. Так, приобретение в собственность земельного участка в Москве санкционируется муниципальными институторами — префектами административных округов города и Департаментом земельных ресурсов, — тогда как вопрос о Курильских островах решается на высшем уровне государственной власти России и Японии. Решение о присвоении статуса музея-заповедника (федерального значения) местам исторических сражений в России принимает Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ, а глобальный статус биосферного присвоила заповеднику «Ханкайский» специальная комиссия ЮНЕСКО.

Процессом обратным институированию является деституирование, т. е. лишение пространственных объектов ранее закрепленной за ними функции и установленного статуса. Последним ярким примером *пространственного деституирования (destituting of space)* является решение XXVI Генеральной ассамблеи Международного союза астрономов от 24 августа 2006 г. о лишении Плутона статуса планеты Солнечной системы и фиксации за ним нового статуса «карликовой планеты». Данное институциональное решение приведет к значительным расходам во всем мире в связи с необходимостью внесения соответствующих корректив в учебники, энциклопедии и карты (см.: [35, с. 42–43]). Это означает, что границы экономического пространства неразрывно связаны с пределом человеческих знаний об окружающей среде. В частности, Плутон — объект экономического пространства, но относящийся к множеству сверхдалних условий, непосредственно не оказывающих влияния на хозяйственные процессы, однако порождающих порой ощутимые экстерналии.

Институирование экономического пространства как направление его стратегического развития призвано быть научным по характеру и учитывать весь комплекс связанных с ним потенциальных экстерналий, отнюдь не только экономических. Полисубъектность этого процесса и многообразие стоящих за ним частных интересов требуют разработки эффективного механизма утверждения пространственных институций. Например, дискутируемое закрепление в перспективе за отдельными городами юга России статуса «коммуникационных узлов», связанное с вменением им функций портов и транспортных терминалов, негативно воспринимается населением, пос-

кольку долгосрочные социальные экстерналии такого решения во многом негативны (повышение криминальной активности, ухудшение экологической ситуации и т. д.). Но будет ли учтен «глас народа», далеко не ясно. Не странно ли, что «переход с 1992 г. к квазирыночным критериям пространственного распределения общественных экономических ресурсов вообще оставил «за скобками» внеэкономические критерии и принципы размещения и пространственной организации экономики в целом» [27, с. 597]?

Институциональное пространство имеет сложную структуру, меняясь по масштабам, содержанию и формам как между уровнями (вертикально), так и на каждом из них – горизонтально (см.: [13]). Универсальной горизонтальной формой институирования пространства является зонирование, реализующееся на всех его уровнях (от мега- и до нано-). Мертвые зоны и зоны действия сети, зоны ответственности и запретные, свободные таможенные зоны и зоны валют, личные зоны и зоны отчуждения, заповедные зоны и зоны обслуживания, доменные и портовые зоны и т. д. – все это статусы различных участков пространства, выражающие их экономическую функцию и предназначение.

Уровни и зоны образуют, соответственно, вертикальную и горизонтальную оси системы координат экономического пространства. Зоны выделяются по аспекту внутри каждого уровня, причем каждая возникает на «своем» уровне. Так, пространство рабочего места не может породить по своим факторам определенные зоны (например, приграничную, свободной торговли или клубную), а мегарегиональное пространство – диванную зону или зону профессии. Аспект деятельности субъектов, в соответствии с которым выделяется зона, должен быть возможен именно на данном уровне, т. е. соответствовать его масштабу. Вместе с тем, VIP-зоны в аэропортах, рабочие зоны и зоны отдыха в современных квартирах и офисах – явления, содержательно аналогичные, хотя и отличающиеся по масштабу от свободных экономических зон отдельных стран, мегарегиональных зон глобальных интересов мировых держав или зон обращения ведущих валют («зона евро» и т. п.).

Любые взаимодействия хозяйственных субъектов базируются на учете сложившихся пространственных институций и ведут к выработке *пространственных норм и правил*, связанных с типизацией и регулированием пространственного аспекта человеческой деятельности. Среди них – нормы застройки и вырубki леса, правила дорожного движения и транспортировки огнеопасных грузов, пространственные нормы делового общения (объект изучения проксемики) и нормы жилплощади, нормы пространственной изоляции при производстве семенного материала и нормы, регламентирующие пространственные пределы военных действий и др. Пространственные институции,

как и любые другие, недопустимо сводить к нормам и правилам (см.: [16]), задающим социально допустимые пределы типичных и регулярно повторяемых действий, экстерналии (внешние эффекты) которых ощутимо влияют на жизненное пространство.

Институциогенез, прежде всего, – процесс формирования и развития институций, или общественного разделения труда. Как социальные формы функций субъектов и объектов экономического пространства, институции являются конкретными формами отраслевого и территориального разделения труда в обществе. Прогресс общественного производства непременно связан с повышением значения и качества социально-экономических институций. *Чем более развито общественное разделение труда, тем более институцировано экономическое пространство общества, тем более оно устойчиво к внешним угрозам и возмущениям.*

С одной стороны, общественное разделение труда создает «соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии» [25, с. 359] или, более широко, сферой осуществляемой им основной институции. Не с этим ли связана преобладающая ныне ограничительная трактовка институций и институтов? Ведь, с другой стороны, реализация профессии невозможна без других базовых институций. Можно ли быть шахтером, фермером или менеджером, не являясь членом общества, конкретным лицом и существом? Видимо, излишне игнорируется, что институции системно создают своим акторам пространство возможностей, «весьма обширное, ограничивая только пределы допустимого» [34, с. 65].

Пространственный аспект институциогенеза уместно связать с территориальным разделением труда, эволюционно происходящим между относительно обособленными экономическими системами. Любой единичный институциогенез начинается локально, с дифференциации отдельных действий и их интеграции в операции. Пройдя эволюционный отбор, такие операции обособливаются в качестве самостоятельных видов конкретного труда и «окостеневают в виде особых исключительных функций» [25, с. 357] определенных субъектов, а затем распространяются и получают общественное признание, становясь новыми институциями.

Посредством механизмов креации, интериоризации, интернализации, мультипликации, легализации, инерции и т. п. институции стремительно заполняют возникающие в социально-экономическом пространстве «зоны разреженности» человеческой деятельности, интегрируют его, делая устойчивым и однородным посредством распространения общих норм, конвенций (соглашений) и единых правил для всех субъектов.

Естественные, государственные и «социокультурные» границы – не преграды для институций, находящихся в фазе экспансии и захватывающих все

новые и новые пространства. Однако условия (*C*), ресурсы (*R*) и факторы (*F*) осуществления любой конкретной институции в разных социально-экономических пространствах, очевидно, варьируются. Нередко возникают ситуации, когда в определенном локусе конкретная институция осуществляется наиболее успешно благодаря уникальной комбинации *C-R-F* (см.: [17]). Поэтому говорят об астраханском бахчеводстве и калмыцком коневодстве, болгарском виноградарстве и каспийском рыболовстве, венецианском шелкоткачестве и карибском пиратстве, новгородском зодчестве и парижском студенчестве, кавказском гостеприимстве и Оптинском старчестве как о локализованных и экстремально развитых институциях.

Всестороннее познание институционального пространства возможно только на адекватной методологической базе, сочетающей системный и эволюционный подходы. Но хотя и очевидно, что всякий феномен может быть адекватно понят только в развитии, все еще ощущается серьезный дефицит исторических работ комплексного, обобщающего характера, посвященных институциональному экономическому пространству в целом, а не только отдельным институциям и их организационным структурам – институтам.

Проведенное нами исследование *тысячелетнего пути эволюции институционального пространства России* в единстве онтологического и гносеологического аспектов (см.: [15]) позволило обосновать периодизацию сложного, нелинейного процесса его формирования в рамках хозяйственного пространства страны. Каждый из аналитически выделенных исторических этапов был всесторонне охарактеризован в системе «сквозных критериев», отразившей условия развития отечественного институционального пространства; основные формы и главные результаты практической институциональной деятельности; ведущие институции; доминирующие институты и органы; специфику организации, методы и формы познания институционального пространства; комплекс основных субъектов институциональной познавательной и практической деятельности; интернальные и экстернальные эффекты онто- и гносеогенеза институционального пространства. Представляется, что методология, методика и результаты этого фундаментального исследования (за неимением аналогов) могут быть положены в основу будущих специальных работ, освещающих логику и динамику эволюции различных институциональных пространств.

Возвращаясь к ключевой для данной статьи категории институционального пространства, подчеркнем недопустимость ее вульгаризации. Тенденции к этому возникают в связи с повышением статуса институционализма в научном сообществе, негативно сочетающимся со все еще слабой философской, методологической и теоретической базой соответствующих исследований. Мода на «все институциональное» стимулирует как начинающих, так

и опытных исследователей в спешном порядке создавать различные, порой экстравагантные, концепции в институциональном ключе.

В результате в фундаментальном учебном пособии можно встретить тезис о том, что внешняя среда фирмы – не что иное, как «совокупность институциональных условий функционирования фирмы, т. е. совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих ее экономическую деятельность» [42, с. 44]. Но можно ли вообразить фирму, функционирующую в технологическом, сырьевом, информационном или кадровом «вакууме»? Игнорирование этих аспектов внешней среды может оказаться фатальным, поскольку тогда стратегия развития фирмы будет однобокой и ущербной, а ее осуществление на практике приведет к неоправданно высоким издержкам. Трудно согласиться и с категоричным утверждением, что «внутренние и внешние факторы функционирования предприятия любой формы собственности и масштаба, таким образом, определяются институциональными условиями» [42, с. 45]. В каком-то частном случае это может быть и справедливо, но абсолютизировать данное положение нельзя, хотя именно это пытаются сделать его авторы.

Следует избирательно относиться к многочисленным манипуляциям с понятием институциональной среды, которое многократно и всякий раз «по-новому» определяется, но так и остается «загадочным», якобы требуя все новых и новых поверхностных по своей сути исследований. Отсутствие развитого категориального аппарата принуждает ученых, работающих в предметной области институциональной экономики, как и на заре экономической науки, применять метафорический подход. Это во многом относится и к представителям пространственной экономики, которые, как и их коллег-институционалисты, склонны широко использовать разного рода образные понятия (типа пространственных «ядра» и «пояса», «стержней» и «флангов», «узлов» и «полюсов»), порой не вдаваясь в необходимые уточнения. И хотя такие научные метафоры, видимо, необходимы на современном этапе развития институционализма и пространственной экономики для освоения бурного потока новой информации, их эвристическую ценность во многом еще только предстоит уяснить.

Конечно, в долгосрочной перспективе «и это пройдет», но только в результате *активизации фундаментальных исследований экономического пространства в институциональном аспекте*, приоритетными направлениями которых актуально являются глубокая конструктивно-критическая ревизия всего комплекса категорий институционализма, его уточнение и корректное дополнение, а также приведение отечественной институциональной терминологии в соответствие с уже утвердившейся в мировой науке и эффективно «работающей» в теории и практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аболафия М.* Рынки как культуры: этнографический подход // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2.
2. *Барышников М. Н.* Иностранцы во внешней торговле царской России (институциональное пространство деятельности) // Проблемы современной экономики. 2004. № 3.
3. *Богардус Э. С.* Социальная дистанция в городе // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник. М., 2003.
4. Введение в институциональную экономику: Учеб. пособие / Под ред. Д. С. Львова. М., 2005.
5. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
6. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М., 2005.
7. *Ерзкян Б. А.* Экономическое пространство и институциональное поле: импликации для стратегического планирования // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция I: Теоретические проблемы стратегического планирования на микроэкономическом уровне: Тез. докл. и сообщ. Второго всерос. симп. (10–12 апр., 2001 г.; Москва) / Под ред. Г. Б. Клейнера. М., 2001.
8. *Ерзкян Б. А.* Этот «дырявый» мир неоклассики, или Место институционализма в экономической науке // Россия: тенденции и перспективы развития. Секция: Экономическая наука и экономическая политика в современной России: Сб. докл. Третьей международной конференции (17 дек., 2002 г.; Москва) / Под ред. Г. Б. Клейнера. М., 2003.
9. *Ильин И. А.* О России. Три речи 1926–1933 // Русская идея: Сб. произв. русск. мыслителей / Сост. Е. А. Васильев; Предисл. А. В. Гулыги. М., 2002.
10. Институциональная история экономики России в XVIII веке / Под общ. ред. О. В. Карамовой. М., 2004.
11. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: Учебник / Под общей ред. А. А. Аузана. М., 2006.
12. Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М., 2005.
13. *Иншаков О. В.* Уровневый анализ объекта, предмета и метода экономической теории // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2004. № 4.
14. *Иншаков О. В.* Эволюционная экономика и экономическая генетика // Эволюционная теория, инновации и экономические изменения. VI Международный симп. по эволюционной экономике (23–24 сент., 2005 г.; г. Пушино). М., 2005.
15. *Иншаков О. В., Фролов Д. П.* Институционализм в российской экономической мысли: IX–XXI вв. В 2-х т. Волгоград, 2002.
16. *Иншаков О. В., Фролов Д. П.* Место институционализма в экономической науке // Экономист. 2005. № 10.
17. *Иншаков О. В., Фролов Д. П.* Экономическое пространство и пространственная экономика. Размышление над новым экономическим журналом // Пространственная экономика. 2006. № 2.
18. *Иншаков О. В., Фролов Д. П.* Человек – институциональная система // Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005.
19. *Клейнер Г. Б.* Агенты и институты: к проблеме институционального выбора // Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005.

20. *Клейнер Г. Б.* Эволюция институциональных систем. М., 2004.
21. *Кнорр-Цетина К., Брюггер У.* Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // *Экономическая социология.* 2002. Т. 3. № 3.
22. *Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М.* Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты: Учебник для студентов вузов. М., 2006.
23. *Лихачев Д. С.* Русская культура. СПб., 2000.
24. *Львов Д. С.* Предисловие // *Homo institutus – Человек институциональный* / Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005.
25. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Кн. 1. М., 1951.
26. *Маркс К.* Капитал. Т. 2. Кн. 2. М., 1984.
27. *Минакир П. А.* Стратегия среднесрочного социального и экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья // *Стратегии макрорегионов России: методологические подходы и пути реализации* / Под ред. А. Г. Гранберга. М., 2004.
28. *Некипелов А.* Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзоны» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М., 2006.
29. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
30. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2002.
31. *Пресняков В. Ф.* Предприятие как система коллективного действия // *Институциональная экономика* / Под рук. Д. С. Львова. М., 2001.
32. *Словарь.* Культурология. XX век. СПб., 1997.
33. *Сокулер З. А.* Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё (Научно-аналитический обзор) // *Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферат. сб.* М., 2003.
34. *Сухарев М. В.* Социальные антиинституты // *Экономическая социология.* 2005. Т. 5. № 5.
35. *Тихомиров В.* Революция в космосе // *Огонек.* 2006. № 36.
36. *Функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации в Волгоградской области: Мат-лы расширенного заседания Ученого совета Волгоградского государственного университета (28 июня, 2002 г.; Волгоград).* Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
37. *Фурс В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. 2000.
38. *Харрисон Ф.* Закон свободы. Лондон; СПб., 1996.
39. *Хэмилтон Б. У.* Гипотеза Тибу // *Экономическая теория* / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена / Науч. ред. чл.-корр. РАН В. С. Автономов. М., 2004.
40. *Чекмарев В. В.* Экономическое пространство как объект и предмет экономической науки // *Философия хозяйства.* 2000. № 3.
41. *Шаститко А. Е.* Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
42. *Экономическая стратегия фирмы* / Под ред. А. П. Градова. СПб., 1995.
43. *Biggart N. W.* Social organisation and economic development // *Экономическая социология.* 2000. Т. 1. № 1.